

«ВЕХИ» — СОБОР САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

Григорий Померанц

Григорий Померанц (род. в 1918 году) — старейшина цеха российских философов, культуролог, востоковед, эссеист, долгое время работал библиографом в ИНИОН РАН.

Один из участников советского демократического движения 1960–1970-х годов, постоянный оппонент Александра Солженицына, которого он критиковал за «почвеннический утопизм» и «национализм». Солженицын жестко отвечал на критику Померанца в статьях «Образованщина» и «Наши плюралисты».

Проклятые, осужденные «Вехи» сейчас всплыли, мы их снова читаем, изучаем и поражаемся их глубинам. Главное — верность своему пути. Пути мыслителя, который может переключаться с другими мыслителями, но ни один из которых не претендует перенять роль кумира масс. Ни Бердяев, ни Булгаков, ни Франк, ни тем более сам скромнейший Гершензон не поддавались таким соблазнам.

Веховцы правильно оценили те опасности, которые несет с собой толпа, увлеченная пророками революции, пророками контрреволюции. Мысль о том, что насилие порождает насилие, чрезвычайно соблазнительна и опасна. На эти открывающиеся бездны и указывают «Вехи».

Авторы сборника понимали, что социальный взрыв — вещь страшная, что сохранение известного порядка необходимо, и эволюция гораздо лучше, чем революция. Грубо говоря, урок веховцев заключается в подтверждении, что эволюция, постепенное изменение гораздо надежнее, чем социальный взрыв, который может привести к хаосу, возможно, к моральному упадку, к росту смердяковщины. Неслучайно в 1917 году в статье «Духи русской революции» Бердяев описывал происшедшее как выход на авансцену второстепенных героев русской литературы — Ноздревых, Хлестаковых, Смердяковых. И вот что любопытно: не будучи знаком с этим бердяевским текстом, в начале 1960-х годов, когда на авансцену выступил Никита Сергеевич Хрущев, я описывал происходящее в терминах героев Гоголя и Достоевского, повторяя бердяевский опыт.

Мы с Бердяевым оказались двумя свидетелями ситуации, когда образы, подмеченные гением Гоголя и гением Достоевского, оказывались глубоко характерны для каких-то подворотен русского дома. Они вылезают из подворотен в период взрыва и занимают иногда первые места.

Мне рассказывали об одном видном деятеле культуры, в которого какой-то мальчишка на каком-то мероприятии запустил яблоком или чем-то в этом духе. Охрана этого деятеля схватила мальчишку, и пострадавший бил виновника ногами. Я не могу себе представить, чтобы даже черносотенный Пуришкевич так себя вел.

«Вехи» были отброшены подавляющим большинством интеллигенции, я так прикидывал, 98,5 ее процента. Состоялось больше тысячи собраний, на которых русская интеллигенция собиралась и посылала в печать резолюции о том, что мы осуждаем, не признаем и так далее.

Замечательна была идея того самого Михаила Осиповича Гершензона — собрать вместе мыслителей, каждый из которых в рамках сборника полностью сохранял бы свою индивидуальность. И «Вехи» представля-

ют некий собор самостоятельных личностей, совершенно свободных в самовыражении, в выражении идейной глубины. Но вместе с тем на глубине как-то пересекающихся. Нечто подобное происходит на очень большой глубине, когда мы рассматриваем великие религии. Они различаются по языку, по символике и так далее, и вместе с тем, на мой взгляд, все великие религии на очень большой глубине начинают пересекаться друг с другом.

Поэтому диалог религий вполне возможен. И мы, например, были свидетелями столь же интересного диалога, который состоялся в 1994 году в Лондоне между далай-ламой и монахами-бenedиктинцами. Причем сюжетом беседы было Евангелие. Далай-лама по-своему комментировал некоторые эпизоды Писания, сравнивал их с эпизодами истории ламаизма. Ему отвечали его христианские собеседники. Была выпущена в свет чрезвычайно интересная книга, которая говорила о глубокой внутренней переключке при всем различии исторически сложившихся религиозных культур.

Можно вполне понять и «ужасную фразу» Гершензона. Гершензон исходил из опыта погромов 1905–1907 годов. И он искренне и прямолинейно выразил точку зрения подвергнувшегося погрому еврея, который скорее мог бы выступать за защиту штыками, чем за «погромную активность».

После каждого социального взрыва интеллигенция гибнет и потом не восстанавливается. А сейчас, когда мы говорим о «Вехах», то имеем в виду два абсолютно разных культурных типа. Один возник и укрепился после реформ Александра Второго. В нем смешались разные крови, но прежде всего дворянская и разночинная. Потом этот пласт был уничтожен, растоптан тот кодекс чести, что складывался трудно, долго и медленно. Второй слой будто бы восстановился, но, выжив, он имитирует внешние второстепенные черты старой интеллигенции, мало общего имеющие с подлинной. ■